

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

гнев некоторых участников нынешней дискуссии. Например, зачинатель ее Ст. Ласневский пишет, что стихи «окрашены непозитическим настроением самоудовлетворения, самодовольства «победителя», столь противоположного пушкинскому великодушию». Картина, нарисованная критиком, драматична. Разные направления в поэзии превращены в непримиримые полюсы. Слово «победа» истолковано в однозначном-прямолинейном смысле, ибо присутствует призыв к пощаде некоего побежденного противника. Если бы даже я признал обвинения критика справедливыми, то жизнь все равно меня опровергла бы. Здесь опять-таки сыграло роковую роль смещение времени, игнорирование конкретной ситуации. Обратимся к фактам. В те дни, когда писались эти стихи, поэты, зачисленные впоследствии по ведомству «тихой лирики», были в тени и безвестности. Другие имена были «притчей на устах у всех». Другие поэты монополизировали эстраду, радио, телевидение. Так что атрибутов победы не было; не могло быть и не было «самодовольства «победителя». Речь шла о победе другого плана — о победе духовно-нравственного характера, связанной с внутренней переоценкой ценностей. «Эстрадная» поэзия (понимаю неточность термина и употребляю его условно) добила немалых успехов: она всколыхну-

могут быть воплощены в слово и стать как бы документом души, правдивым свидетельством ее устремления и развития.

Беда нашего времени — да и не только нашего — в том, что мы находимся в плену аналогий и прямолинейных сопоставлений. Двадцатый век мы пытаемся мерить мерками девятнадцатого, приметы эпохи Маяковского мы иногда механически проецируем на современность и т. д. Словом, как в старину говорились, новое вино мы хотим влить в старые мехи. В результате — ни вина, ни мехов: одни дыры! Арифметический подход к проблемам будущего (даже ближайшего будущего), которое мы пытаемся бесстрашно прогнозировать, неуместен. Здесь должна прийти на помощь высшая математика. В стихах Николая Рериха об этом говорится так:

Смотри, пока мы говорили,
кругом уже все изменилось.
Ново все. То, что нам
угрожало, нас теперь

Звавшее нас
ушло без возврата.
Мы сами стали другими.
Над нами и небо иное.
И ветер иной. Солнца лучи
сияют иначе.

Сознание отстает от событий. В наш космический век, который принес соответственно и космические заботы, оно отстает катастрофически. Альберт Эйнштейн, подчеркивая, что освоение атомной энергии изменило принципиально картину мира, говоря о том, что все изменилось, с горечью вынужден был констатировать: «Неизменным остался лишь наш образ мыслей».

Расширение человеческого сознания до уровня космиче-

жен быть диалектичным. Тут нас учит сама история. Она расставляет свои четкие акценты. Если идеями нравственного самоусовершенствования пытаются подменить социальную борьбу, то мы понимаем, что в лучшем случае это иллюзия, а в худшем — опасное заблуждение, которое может нанести ущерб и вред делу освобождения человека и человечества. Но если социальный вопрос решен в пользу народа, если люди труда взяли политическую власть в свои руки, тогда проблема духовно-нравственного воспитания человека приобретает другую окраску. Она становится, если хотите, проблемой номер один.

В статье Ф. Кузнецова «Наши критерии нравственности» содержится такая формулировка: «...для социализма — и в этом его отличие от буржуазного общества — материальные блага, сколь бы они ни были важны для жизни людей, — не цель и смысл, а лишь условие истинно человеческого существования». Условие. А цель? А цель — нравственное преобразование человека, одухотворение его чувств и мыслей. Сознательная работа по воспитанию самого себя, стремление к одухотворенности — ведь это то, что полностью отвечает идеалам нашего строя. В сущности, от нас требуется единственное — быть на уровне идей, заложенных в основу нашего общества. Разумеется, воспитание человека новой формации (особенно в условиях, когда мир расколот на две противоборствующие половины) — дело весьма и весьма нелегкое. К этой работе, очевидно, должна подключиться вся сумма позитивных идей (в том числе и фило-

Валентин
СИДОРОВ

«Воины, воины — мы
называем себя. Мы сра-
жаемся за благородную
добродетель, за высокие
стремления, за высшую
мудрость, потому мы на-
зываем себя воинами».

(Из письма
Н. К. РЕРИХА)

ДЛЯ МЕНЯ было несколько неожиданным, что в одном из критических завихрений дискуссии «Маяковский и современная поэзия» вдруг очутились мое стихотворение, начинающееся строками: «А победили не новаторы. А ведь когда-то — боже мой! — слова дымились, словно кратеры, над обалдевшей толпой». Честно говоря, я слегка забыл эти стихи. Они были написаны и опубликованы пятнадцать лет назад и в то время особого внимания не привлекли, шума не вызвали. Странно, что критики, варьирующие на разные лады те или иные строки моего стихотворения, почему-то сочили возможным обойти вниманием этот факт. В результате произошло произвольное смещение временного фокуса: стихи, вырванные из конкретной ситуации, в атмосфере которой они создавались, по существу, стали рассматриваться, во-первых, как сиюминутные, только что написанные, во-вторых, как программные и манифестальные для их автора. Разумеется, каждый человек — и писатель в первую очередь — ответствен за любое слово, когда бы и по какому поводу оно ни было произнесено. Но истина — как нас учили — конкретна, и за полтора десятилетия, прошедших с момента публикации стихов, многое изменилось не только в жизни и творчестве их автора, но и в социальной и культурной жизни всего нашего общества. Воскрешая тени былого, подымая шум вокруг старого стихотворения, расставляя по своему усмотрению те или иные смысловые акценты, мои оппоненты, как мне представляется, вольно или невольно (скорее всего, невольно) пытаются гальванизировать проблемы, острота и актуальность которых давно утрачена, пытаются абсолютизировать разделение локально-временного характера, которые упразднил сам ход нынешнего развития литературы.

Конечно, произведения, ставшие достоянием читателей, живут независимой от их автора жизнью, и не его задача комментировать и объяснять комментаторные тексты. Если я изменяю этому правилу, то только потому, что от стихов «А победили не новаторы» меня отделяет целая эпоха, и я могу поглядеть на них как бы со стороны. Оценивая с позиций нынешнего дня стихотворение, прежде всего вижу, что на нем лежит четкий отпечаток своего времени. В жарких словесных баталиях шестидесятых годов (особенно начала и середины десятилетия) нередко царил дух категорического императива. В пылу полемик рождались иногда строчки, в которых пафос самоутверждения доходил до крайности. Как я теперь понимаю, мое стихотворение было одной из попыток подвести первый итог затянущемуся эстраднему буму в нашей поэзии, когда «трясло, как будто в лихорадке, Политехнический музей» и когда порою непостижимым образом переплетались истинное и сложное, искренность и поза. Каков результат этого периода клокочущих литературных страстей, шумовых эффектов, ожесточенных споров, подчас — что греха таить — обостряемых нарочито? Вывод — и это было в духе того времени — отличался категоричностью: «А победили, победили простые русские стихи». Кстати, именно эта строчка и вызвала запоздалый

«МЫ НАЗЫВАЕМ СЕБЯ ВОИНАМИ»

- Эстрадный бум: плюсы и минусы
- Арифметика и алгебра души
- Традиции без традиционности

ла сознание читателей, она пробудила массовый интерес к поэзии, какого раньше не было. Но почти сразу выявились и негативные тенденции эстрадного бума: критики с тревогой писали о распаде формы, о деэстетизации, о дегероизации, об отходе от национальных традиций. В этих условиях в поисках внутренней опоры многие поэты обратились к русской классике, ее непреходящим духовным ценностям. Не случайно, что именно тогда стал популярным парадоксальный лозунг «Вперед, к Пушкину!». В этом контексте времени, очевидно, и должна читаться строчка «А победили, победили простые русские стихи». В этом контексте должно читаться и все стихотворение.

А теперь о самом главном — о современном освоении поэтического материка Маяковского. Мое отношение к его творчеству — очевидно, такое же как и у других — в разное время было неодинаковым. Но могу признаться, что Маяковский с особой силой зазвучал в моей душе, когда я меньше всего этого ожидал: во время работы над книгой «Семь дней в Гималаях». «Нельзя отъединиться ни от одного человека, не только от всей совокупности обстоятельств». Когда я приводил это изречение индийской мудрости, по какой-то внутренней ассоциации в моей памяти всплыли строки из поэмы «Война и мир»: «Кровь! Выцеди из твоей реки хоть каплю, в которой невинен я!» Такие строки, как выскерк молнии, высвечивают все в тебе и вокруг. В них воплощена та возвышенно-сострадательная нота ко всему живому, без чего мы не представляем себе нашей отечественной литературы.

Уроки Маяковского многоплановы, и, как правило, они актуальны. Общеизвестно, например, властное тяготение к документальному жанру в современном литературе. Документальная проза — мемуары, эссе на исторические и современные темы — становится серьезной соперницей прозы художественной. Дело дошло до того, что некоторые писатели, эксплуатируя этот читательский интерес, выдумку обрывают в форму документа. А при чем тут Маяковский? Да при том, что одним из первых он раскрыл роль документа для художественной литературы на новом этапе ее развития. Можно сказать, что он опозитивировал документ. «Ни были, ни эпосов, ни эпопей. Телеграммой леги, строфа! Воспаленной губой припад и попей из реки по имени — «Факт». К реке «по имени» — «Факт» ныне припадают многие, ибо в наш космический век жизнь порой куда интереснее выдумки. Но, разумеется, ведя речь о документальном материале, всегда надо иметь в виду следующее: во-первых, он должен быть художественно организован, во-вторых, он не может быть сведен лишь к хронике внешних событий. Импульсы внутренней жизни человека (если она интенсивна и богата),

скового перестало быть мечтой. Оно стало реальной и неотложной задачей в наши дни. Когда-то великий немецкий философ Кант признавался, что более всего его поражают и составляют благоговейные вещи: звездный свод над ним и свод нравственных законов в нем. В наши дни грани между этими сводами исчезают, и они начинают сливаться в единое, гармонично звучащее целое. Маркс писал: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука». Нет нужды доказывать, что гениальное предвидение Маркса начинает сбываться в наши дни.

Всем этим я хочу сказать, что появился человек нового мышления, космического кругозора, а следовательно, образовался и читатель нового типа. Ему, этому читателю, близок и внятн властный призыв Рериха, пронизывающий все его творчество: «Подумать о вечном». Вот почему сотоварищ А. Кондратовича по поводу усиления медитативно-философского направления в нашей поэзии мне представляются напрасными. Мне кажется, что в наш век повсеместного роста культуры и ошеломляющих научных открытий одним из главных выразителей эпохи мог бы стать Тютчев. Если раньше пафос его стихов был доступен лишь узкому кругу читательской элиты, то сейчас его разделяют тысячи и тысячи людей всех возрастов и профессий. Слова «народный поэт Тютчев» ныне звучат естественно. И разве философские стихи Тютчева зовут к безделью, неся «успокоение сердца»? Нет, лишь сильнее заставляют биться наши сердца его строки, в которых запечатлен манифест независимости человеческого духа.

Мужайтесь, боритесь,
о храбрые други,
Как бой ни жесток,
ни упорна борьба!
Над вами безмолвные
звездные круги,
Под вами немые,
глухие гроба.

Пускай олимпийцы
завистливым оком
Глядят на борьбу
непокорных сердец.
Кто, ратуя, пал,
побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук
их победный венец.

Я заметил, что пристальный писательский интерес к внутреннему космосу человека кое у кого вызывает некоторое беспокойство и настороженность. А. Кондратович задает вопрос: «Не стала ли у иных поэзия вольно или невольно уходить от читателя «в себя», и волновавшие Политехнический гражданские струны начали звучать все тише и тише...». Что можно сказать по этому поводу? Мне кажется, что несколько искусственное противопоставление философичности и гражданственности ведет к сужению горизонтов гражданственности. Наш подход к проблеме воспитания нравственных качеств в человеке, его внутреннего «я» дол-

софских), выработанных человечеством, должны быть сфокусированы в единую точку устремления лучших умов планеты. И разве работа такого рода не будет проявлением гражданской ответственности и партийности? Думается, что ответ тут может быть лишь утвердительным.

Говоря о традициях Маяковского, нельзя размыывать самого главного, что несут с собой эти традиции. Что было главным в поэте, определившим смысл его творчества и его жизни? Бескорыстная отдача всего себя идеалам революции. Поэтому вопрос о преемственности должен ставиться в единственно верной плоскости. Если поэтическое слово служит тем же идеалам, которым служил Маяковский, — значит, это утверждение его традиций. Если же есть хоть малейшее отступление от незыблемого принципа — значит, это разрыв с традициями Маяковского, измена имени и делу поэта. Маяковский — поэтическое воплощение идей Советской власти. Сколько бы мы ни спорили о тех или иных частностях (особенно формального характера), мы не должны забывать этого ни на мгновение.